
ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЗНАКОВ КОСВЕННОЙ НОМИНАЦИИ¹

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

Рассматриваются протосемантические категории, служащие когнитивно-прагматическими факторами формирования внутренней формы знаков косвенной номинации: универсально-предметный код, предметный остов и концепт. Цель исследования – выявить когнитивно-прагматические факторы формирования внутренней формы слова; методологической основой служит когнитивно-дискурсивный подход. Результаты работы применимы в теории языкознания и лексикографической практике.

Ключевые слова: внутренняя форма, косвенная номинация, когниция, прагматика, семантика, значение, смысл.

COGNITIVE AND PRAGMATIC SOURCES OF THE INNER FORM OF SIGNS IN INDIRECT NOMINATION

Alefirenko Nikolay F., D.Sc. (Philology), Professor, Belgorod National Research University, 308015, Russia, Belgorod, 85, Pobeda st., e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

The paper deals with the investigation of proto-semantic categories, used as the cognitive and pragmatic factors of the inner forms of signs in indirect nomination, such as universal-presentive code, presentive frame and concept. The aim of the research is to discover the cognitive and pragmatic factors of the inner form of words. The methodological background of the work is the cognitive and discourse approach. The results of the work may be used both in linguistic theory, and lexicography practice.

Key words: inner form, indirect nomination, cognition, pragmatics, semantics, meaning, concept.

Смысловое содержание знаков косвенной номинации детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями, порождающими основные протосемантические категории – универсально-предметный код (УПК), предметный остов, концепт и внутреннюю форму слова.

Универсально-предметный код – первая когнитивная структура, которая уже во внутренней речи формирует мыслительный субстрат знаков косвенной номинации. В его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации. Денотативные схемы подобного рода фокусируют эмпирические знания о предмете номинации и его связях и отношениях с другими элементами дискурсивного сознания во внутренней речи, имеющей, по данным А.Р. Лурия, решающее значение для перекодирования замысла в развернутую речь и для создания порождающей схемы развернутого речевого высказывания. Именно внутренняя речь служит основным «механизмом, превращающим внутренние субъективные *смыслы* в систему внешних развернутых речевых *значений*» [6, с. 10]. Поскольку субъективные смыслы воплощаются в предметно-чувственных образах, внутренняя речь призвана перевести план содержания таких образов из сукцессивно (линейно) представленных фрагментов дискурсивного сознания

¹ Работа выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2012–2013 годы)».

ния в симультанную (нелинейную, целостную) структуру. Последняя в силу своего предметно-наглядного статуса была названа Н.И. Жинкиным предметно-изобразительным, или универсально-предметным, кодом (УПК).

Предметно-изобразительный код, утверждал ученый, – скорее не конкретный образ, а образная схема, выполняющая роль посредника между языковым знаком и обозначаемым предметом. «Не образ» – потому, что УПК не представляет собой целостной и законченной картинки. И все же, на наш взгляд, УПК не лишен в нашем сознании образного представления, пусть даже и схематичного. Будучи предметно-изобразительным кодом, УПК действительно представляет собой образную схему, смысловое содержание которой сопровождается наглядным образом. Это, надо полагать, сжатая, контурно представленная схема, по которой осуществляется интериоризация (семиотическое перерождение предмета номинации). Ее когнитивная сущность состоит в том, что в речемыслительном процессе денотативная структура (обобщенное отражение предмета) преобразуется в семантическую структуру знака, а при восприятии языкового знака, наоборот – семантическая структура (означаемое знака) переводится в денотативную структуру номинируемого объекта. УПК, таким образом, выполняет посредническую функцию, обеспечивая возможность взаимопонимания между общающимися. УПК – исходный протосемантический конструкт, непосредственно переводящий довербальную информацию в смысловое содержание¹ слова посредством так называемого предметного остова.

Понятие «чистый предметный остов», введенное в науку Г.Г. Шпетом, с одной стороны, несколько отличается от УПК, а с другой – от внутренней формы слова. Если УПК – посредник между познаваемым объектом и языковым знаком, то предметный остов – *элемент словесной структуры*, точнее, смысловой структуры языкового знака. Психологи утверждают, что предметный остов языкового знака не дан, а задан (В.П. Зинченко). Он может быть реализован в языковом знаке, в котором, собственно, ему и сообщается некий смысл, включающий в себя образ действия, моторную программу и т.п.

Внутренней форме слова генетически предшествует его предметный остов – своего рода образ, но образ амодальный, лишенный предметно-чувственного содержания. Это исключительно амодальная программа будущего предметного действия. При этом зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в процессе дискурсивной деятельности человека. До словесного облачения предметный остов остается стержневым элементом мысли: *человек знает умом, что он хочет сделать, какое воздействие произвести, но не может то, что знает умом, собрать в зрительный образ*. Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий образ словесный. На этом этапе предметный остов превращается в «живую» *внутреннюю форму* слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову почти осязаемую поэтическую (образную) энергию. Без этой энергии слово не может «жесть сердца людей», а слово в функции вторичной номинации еще и приращивает, умножает свою поэтическую энергию, чтобы затем сторицей вернуть ее действию.

Предметный остов в структуре внутренней формы в сочетании со смысловым восприятием объекта номинации представляет собой когнитивное основание косвенного знакообразования и в этом плане связан с этимологией слова. Смысловым и эмбриональным ядром этимона является внутренняя форма имени концепта. Она определяет смысловую архитектуру слова, и в этой своей роли внутренняя форма слова не является ни исключительно интеллектуальной (поэтому и не отождествляемой с понятием/представлением), ни формальной структурой в обычном понимании. В отличие от понятия – категории объективной, классифицирующей, статичной, логической, внутренняя форма слова характеризуется способностью к субъективному, переживаемому, динамичному и поэтому лингвокреативному представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих. Внутренняя форма как закон смысло-

¹ О разграничении значения и смысла см.: [2, с. 69].

го развития слова не может быть ни самим смыслом (равно как и образом, сопровождающим представления, механизмом ассоциации и апперцепции), ни этимологически исконным значением слова. Она – продукт дискурсивного мышления, служащий для нашего языкового сознания импульсом, толчком, отправным пунктом для преодоления тех противоречий, которые так или иначе имплицированы в концепте в виде скрытой когнитивно-дискурсивной энергии, определяющей творческий потенциал знаков косвенной номинации.

В поэтическом языке слово обычно обращено к переносным смыслам, способы представления которых нашему сознанию отличаются их обусловленностью эстетическими переживаниями и воображаемыми ассоциативно-образными импликациями. Поэтому такие способы презентации нашему сознанию когнитивно-смыслового содержания мы называем *художественными (поэтическими)* внутренними формами слова [ср.: 9, с. 144]. По убеждению Г.Г. Шпета, внутренняя форма слов, тем более знаков косвенной номинации, должна рассматриваться с точки зрения двух взаимосвязанных функций языка – номинативной и семасиологической. В рамках первой внутреннего форма знаков косвенной номинации раскрывает свою *номинативную* предметность, а в рамках второй – *смысловую* предметность.

Номинативная предметность внутренней формы языковых знаков традиционно вызвала особый интерес в отечественной науке о языке. Ф.И. Буслаев впервые сформулировал очень распространенное ныне положение о том, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всех бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображения». Это суждение представляется нам весьма конструктивным для понимания семантики знаков косвенной номинации, поскольку их значения формируются опосредованно, путем использования того коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именования. Таким посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящего как раз и выступает внутренняя форма. Из этого следует, что содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили ее генетическим источником. Ср.: *лить воду на мельницу* чью, кого – ‘косвенно помогать, содействовать кому-л. своими поступками, доводами’; *держат под своим крылышком* кого – ‘опекать, оберегать, помогать и покровительственно относиться к кому-либо’; *наводит/навести тень на плетень* – ‘намеренно вносить неясность, сбивать с толку’. В первом случае внутренней формой служит образное представление о «механизме» работы водяных мельниц, во втором – о заботливом отношении птиц к своим детенышам, в третьем – о теневом отражении предметов. Кроме денотативных сем лексических компонентов, в создании внутренней формы принимают также участие и грамматические семы первично-денотативного характера, которые, выражая определенные отношения между предметами, воспроизводят в нашем воображении целые денотативные ситуации, в контурном виде предопределяющие характер и основные направления формирования семантической структуры слова и, соответственно, его понимания участниками коммуникативного акта.

Большинство исследователей выводит внутреннюю форму за пределы семантической структуры слова в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий. Такой подход к интерпретации анализируемого понятия не вызывает возражений, однако представляется нам односторонним. Внутренняя форма – результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности. На наш взгляд, сущность внутренней формы номинативных единиц обусловливается вторичностью их семиозиса, предполагающего активное участие в возникновении всех смыслообразующих компонентов – лексических и грамматических – в их ономасиологическом и семасиологическом взаимодействии. Его сущность впервые была показана А.А. Потебней в виде сопряженной работы «ближайшего» и «дальнейшего» значений слова. «Ближайшее значение» у Потебни служит, по существу, конструктивным узлом в развитии «дальнейшего значения» – совокупности энциклопедических (вне-

языковых) знаний о номинируемом фрагменте реальной действительности, фиксируемых сознанием в виде понятий и образов. «Ближайшее значение», будучи знаком «дальнейшего значения», облегчает процесс мышления, освобождает его от лишних деталей, т.е. выступает формой связи старого (производящего) и нового (производного) в значении идиом: *сломать (свернуть) себе шею (голову)* на чем – 1) 'получить увечье, погибнуть', 2) 'потерпеть полную неудачу в чем-л.'; *свить (себе) гнездо* 'устроить свою семейную жизнь, создать домашний уют'. Открытый А.А. Потебней элемент языковой семантики («ближайшее значение») назван им формальным, поскольку он «является формой другого содержания» [7, с. 22]. Иными словами, «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания.

Во внутренней форме знаков вторичной номинации оказываются взаимосвязанными номинативный, предикативный и действенный аспекты смыслообразования. В зародыше такая внутренняя форма содержит в себе и коннотативный, и оценочный, и семантический компоненты. Поэтому внутренняя форма не сводима ни к концепту, ни к эмосеме, ни к этимологическому значению. Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта. В этом отношении чрезвычайно важным представляется суждение Г.Г. Шпета о том, что внутренняя форма номинативных единиц не исчерпывается логическими, т.е. смысловыми, формами. Логические формы образуют лишь семасиологическое ядро знака, которое как бы обволакивается формами синтагматическими. Именно сложное сплетение синтагматического и ближайшего логического (смыслового) слоя образует сложные и не всегда уловимые контуры внутренней формы. Причем синтагматические формы знаков не прямой номинации шире логических и целиком в последние не укладываются. Перефразируя Н. Заболоцкого, можно сказать, что под поверхностью каждого такого знака шевелится бездонная смысловая мгла. Своеобразие синтагматических форм состоит в том, что они сначала предполагают, а затем модифицируют логические формы. Для понимания внутренней формы знаков не прямой номинации существенно замечание Г.Г. Шпета об игре синтагм и логических форм между собой. Последние, по его мнению, служат лишь основанием для такой игры. Эмпирические синтагмы образуются капризом языка, составляют его улыбку и гримасы, поскольку эти формы игривы, вольны, подвижны и динамичны [9, с. 407–409]. Ср.: *и [даже] бровью [глазом, ухом, усом] не ведет / не повел (-а, -и)* 'кто-либо ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-либо или к чему-либо, сохраняя спокойствие, проявляя самообладание, сдержанность', *хоть отбавляй, (хоть) пруд пруди, яблоку негде (некуда) упасть, конца-краю (края) не видно (не видать, нет)* чему 'очень много, в огромном количестве'. Внутренняя форма знаков не прямой номинации взаимодействует не только с внутренними формами знаков первичной номинации, но и с внутренними формами действия и образа. Слова в составе фразеологизма, например, своими внутренними формами проникают в действие, становятся его внутренней формой. Это делает действие осмысленным и эвристическим. Вот почему внутренняя форма знака меньше всего напоминает оболочку, она, напротив, предстает как стимул переработки и преобразования первоначальной информации, кодируемой в языковом знаке не прямой номинации. Столь важную преобразующую функцию внутренней форме сообщают предметный осто́в знака и образ номинируемого действия.

Как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа (схема), внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой гаммы образной палитры дискурсивной идиомы.

Внутренняя форма слова уподобляет концепт ближайшему родовому значению: *истребитель* – «тот, который истребляет». И в этом качестве он представляет в на-

шем языковом сознании суть категоризации соответствующего объекта познания и именования.

Не последнюю роль в интенсификации коннотативных сем языкового значения играют внутренняя форма как центр этимологического образа («скрученный, винтообразный бараний рог») и те экстралингвистические смыслы концепта, которые остались в процессе косвенно-производной номинации необъективированными. Кроме предметно-логического содержания, знак непрямого обозначения содержит информацию о субъективном понимании тех отношений, в которых находятся объект номинации и языковой знак. Значение таких знаков «зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого <...> предмета» [5, с. 75]. Лосевская метафора «смысловый свет», падающий от предмета номинации, по отношению к значениям знаков непрямого именованья имеет особое этнокультурное содержание, полученное в результате ценностно-ориентированной интерпретации знаний не только о предмете знакообозначения, но и о той денотативной ситуации, частью которой он является. Такое этнокультурное содержание означаемого знака представляет:

- 1) не объективированную в знаке часть концепта – когнитивного субстрата значения;
- 2) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания;
- 3) этноязыковые смыслы, косвенно исходящие от знаков первичной номинации, послуживших деривационной базой для вторичного лингвосемиозиса;
- 4) коммуникативно-прагматические смыслы, рожденные в процессе взаимодействия языковых значений в соответствующих речевых и ситуативных контекстах.

При таком понимании внутренняя форма слова – это некий смысловой эмбрион, по-разному актуализируемый в образном пространстве данного концептуального поля: а) тот, кто истребляет кого- или что-н. (*истребитель грызунов*), б) самолет-истребитель, в) летчик истребительной авиации.

В наиболее простом виде внутреннюю форму слова формирует признак, положенный в основу наименования и отражающий *первоначальное* понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета. Роль такого посредника выполняет открытая в XIX в. внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт) и слова (А.А. Потебня). Внутренняя форма показывает, как и каким способом в нашем сознании представлено значение слова [см.: 1, с. 70]. В этом плане внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим его значением и является «отношением содержания мысли к сознанию», т.е. представлением, сущность которого состоит в том, что оно объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание. Ср.: рус. *ухажер, волокита, донжуан, юбочник*. Обычно говорят, что внутренняя форма выступает способом интерпретации значения (однако не всегда указывают, при помощи каких средств). Таким средством, на наш взгляд, выступает мотивационный признак производного слова, который актуализируется или его морфемной структурой, или ассоциативно-смысловыми связями производного значения с исходным. Ср.: *поварешка* < варить, *черпак* < черпать. Устранение диалектического противоречия между чувственным образом и абстрактным значением служит интерпретантой и источником знакообразующей энергии речемыслительной деятельности.

Если внутренняя форма – категория языковой семантики, то интерпретанта знака косвенной номинации – категория когнитивная, связанная с кодированием и декодированием информации, ее преобразованием в знание, пониманием и использованием знака в когнитивно-дискурсивной деятельности. Все это еще раз возвращает нас к необходимости разграничения знаков языка и знаков речи. Их специфика обуславливается тем, что, как утверждает В.А. Виноградов, система языка ориентирована на символизацию, а дискурс (в его понимании – *речь, примечание мое* – Н.А.) – на иконичность [3, с. 243]. Только опираясь на данные факторы, можно выявить своеобразие языковых и речевых знаков в контексте их возникновения. К этому побуждает Е.С. Кубрякова: «Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство» [4, с. 502]. Сущность знакообразования со-

стоит в семасиологизации (И.А. Бодуэн де Куртенэ), означивании (Э. Бенвенист) и преобразовании звукоочетаний в социально обусловленные средства речемыслительной деятельности. С точки зрения когнитивной лингвистики знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества. Наименование предметов звуко-символами, таким образом, является одновременно и осмыслением этих предметов, овладение ими не только материально, но и «идеологически» (В.И. Абаев). Иными словами, словесный знак одновременно является и коммуникативной, и когнитивной единицей, поскольку фиксирует и имплицитно хранит формы «перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории. Тип и характер таких категорий соответствует этапам и уровням познания.

Итак, как показало исследование, основным фактором вербального знакообразования является синергетика языка, сознания и мышления. Прежде всего, следует отметить: сознание невозможно без мышления, а высшие формы мышления невозможны без содействия языка (С.Д. Кацнельсон). Механизмы такого «содействия» находятся в знаковости языка. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немыслимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков. Это объясняется процессом накопления и упорядочения знаний, сведением их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в этноязыковом сознании. Именно когнитивные структуры для своей объективации стимулируют процессы «свертывания» речи, превращения ее во внутреннюю речь, а затем в речь «потенциальную», что, в конечном итоге, индуцирует образование языковых знаков.

Значимость знаков косвенной номинации для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление когнитивных структур. Во-вторых, тем, что знаки косвенной номинации снабжают механизмы сознания семиотическими средствами креативного мышления. Это двусторонний процесс. «Развертывания» элементов сознания и «свертывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы. Развитие речемыслительной деятельности не только создает внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и механизмов (так называемые «внутреннюю» и «потенциальную» речь), без которых немыслимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание. Следовательно, знаковая подсистема языка служит не просто придатком к сознанию, позволяющим оформлять конечные фабрикаты мышления – когнитивные структуры, «упаковывая» их в языковые формы, но и непосредственным средством формирования сознания. Не остаются в стороне от этого процесса и речевые знаки. Они вызывают в сознании такие структурные изменения, которые делают сознание более совершенным, порождая при этом новые языковые знаки, прежде всего знаки вторичной (метафоры) и косвенно-производной номинации (фразеологизмы). Все это позволяет представлять структуру языкового знака не монолатерально (знак – это означающее) и не билатерально (знак – единство означающего и означаемого), а как триединство *означающего* (звуковой или графической структуры), *внутренней формы* и *означаемого*.

Яркими представителями образных знаков первой группы выступают метафора и метонимия типа есенинских метафор: *хохочет* колокольчик, *рыдают* ветры, *поют* холмы, *плачет* флейта, *тоскуют* брошенные пашни, *злится* дедушка-мороз и др. или таких достаточно употребительных метонимий, как: *во всем чувствуется кисть Айвазовского*; *несомненно: это перо Пушкина*; *приятно работать с этой аудиторией*, где *кисть* – живописные произведения, *перо* – поэтический стиль, *аудитория* – группа людей, находящаяся в учебной комнате. При метафоризации смысловые

нити между производящим и производным не прерваны, внутренняя форма знаков вторичной номинации налицо.

Не менее типическими представителями знаков косвенно-производной номинации являются фразеологизмы: *дразнить гусей* ‘вызывать раздражение, злобу у кого-либо’; *до гробовой доски* ‘до самой смерти, до конца жизни’; *всеми фибрами души* ‘очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)’; *дело табак* ‘чье-либо положение, состояние очень плохи’. В отличие от метафор и метонимий, где значение знака формируется путем переноса дифференциальных смысловых признаков с одного объекта на другой по их сходству или смежности, семантика знаков косвенно-производной номинации – результат опосредованной когнитивной деятельности, продукт лингвокреативного мышления ассоциативно-образного типа. Причем степень отвлеченности такого (лингвокреативного) мышления от первичного предметно-практического опыта в разных знаках косвенно-производной номинации различается эвристическим диапазоном собственно языковой когниции.

Следует особо подчеркнуть, что при всей несомненной важности языковой когниции для формирования национально-культурного компонента образа знака инициирующим стимулом вторичного семиозиса выступает все же аффективная энергетика, целый комплекс эмоциональных переживаний, которые охватывают большинство членов данного этнокультурного сообщества. «У большинства слов, – писал в этой связи Э. Сепир, – как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый, но отнюдь не менее реальный, а порою предательски могущественный отголосок удовольствия или страдания» [10, с. 55]. Формирование знаков косвенно-производной номинации, несомненно, – процесс интеллектуально-эмоциональный, определяющий когнитивно-прагматическую природу знаков косвенной номинации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-лингвистические механизмы семиозиса / Н. Ф. Алефиренко // Лингвистични дискурси. Научни трудове. – Пловдив : Пловдивски университет «Паисии Хилендарски», 2008. – Т. 43, кн. 1, сб. А. – С. 185–192.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Виноградов В. А. Иерархия категорий в грамматической типологии / В. А. Виноградов // Banner / Schildt / Viehweger (Hrsg.). – 1991. – С. 238–247.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – Москва : Изд-во Московского университета, 1990. – 270 с.
6. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – 3-е изд. / А. Р. Лурия. – Москва : Либроком, 2009. – 256 с.
7. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 614 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.
9. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольта / Г. Г. Шпет. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 216 с.

References

1. Alefirenko N. F. Kognitivno-lingvisticheskie mehanizmy semiozisa // Lingvistichni diskursi. Nauchni trudove. – Plovdiv : Plovdivski universitet «Paisii Hilendarski», 2008. – Т. 43, кн. 1, сб. А. – S. 185–192.
2. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. – Moskva : Gnozis, 2005. – 326 s.
3. Vinogradov V. A. Ierarhija kategorij v grammaticheskoy tipologii // Banner / Schildt / Viehweger (Hrsg.). – 1991. – S. 238–247.

4. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke. Rol' jazyka v poznanii mira. – Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 560 c.
5. Losev A. F. Filosofija imeni. – Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990. – 270 s.
6. Lurija A. R. Osnovnye problemy nejrolingvistiki. – 3-e izd. – Moskva : Librokom, 2009. – 256 s.
7. Potebnja A. A. Jestetika i pojetika. – Moskva : Iskusstvo, 1976. – 614 s.
8. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – Moskva : Progress, 1993. – 656 s.
9. Shpet G. G. Vnutrennjaja forma slova. Jetjudy i variacii na temy Gumbol'ta. – Moskva : Jeditorial URSS, 2003. – 216 s.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА – НОРМАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Брагина Марина Александровна, кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: bragina@inbox.ru.

Золотых Екатерина Аркадьевна, кандидат педагогических наук, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: e.zolotych@gmail.com.

Статья посвящена проблеме регионального «статуса» русского языка на современном этапе его развития. Существование различных, часто противоречивых, точек зрения учёных (из России и стран СНГ) на данную проблему обусловлено сложностью процессов, происходящих в языке, и их тесной взаимосвязью с социальными и политическими изменениями в обществе.

Ключевые слова: русский язык, регионализация русского языка, варианты формы языка, варьирование языковых единиц, национальные варианты единого языка, процессы «пиджинизации».

REGIONALIZATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE – THE NORMAL WAY OF ITS EXISTENCE

Bragina Marina A., Candidate of Philology, Russian University of Friendship of the People, 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6, e-mail: bragina@inbox.ru.

Zolotych Ekaterina A., Candidate of Pedagogical Sciences, Russian University of Friendship of the People, 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6, e-mail: e.zolotych@gmail.com.

The article deals with the regional "status" of the Russian language at the present stage of its development. The existence of different, often contradictory, opinions of scientists (from Russia and CIS countries) to this problem is due to the complexity of the processes taking place in the language, and their close relationship with the social and political changes in the society.

Key words: Russian, regionalization of the Russian language, variant forms of the language, the variation of language units, national versions of a single language, the processes of "pidginization".

Проблемы, связанные с регионализацией русского языка, выдвинулись в ряд актуальных в современном общем и русском языкознании (В.М. Алпатов, У.М. Бахтиреева, Г.П. Байгарина, В.Н. Белоусов, Т.Н. Волынец и др.).